

УДК 130.2: 008

**ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ?
(ИДЕЯ ПРЕРЫВНОСТИ В ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ
КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ)**

Сямина О.В.

В статье характеризуется идея прерывного (дискретного) понимания культурной традиции, которую развивали ряд мыслителей XX века, в том числе М.М. Бахтин и П.А. Флоренский. Анализируется идея М.М. Бахтина о «возрождении» как основе исторического развития культуры. Концепция М.М. Бахтина сравнивается с инверсионной моделью культурно-исторического развития П.А. Флоренского, рассматривающей идею дискретности в качестве универсального принципа мироустройства и развития. Обосновывается актуальность идей русских философов, в том числе их понимание сущности культурной традиции, что представляет значительный теоретический интерес, особенно при изучении истории искусства, где данная проблема просматривается наиболее явно. Делается вывод, что творчество, претендующее на радикальное новаторство в культуре, в своей основе является возрождением классических традиций.

Ключевые слова: традиция, культура, прерывность, Флоренский, Бахтин, искусство.

Объектом исследования выступает феномен традиции в творческой культуре. **Цель** работы – на примере идей М.М. Бахтина и П. Флоренского раскрыть основания философского понимания сущности традиции в творческой культуре.

В статье «Вера и знание» М.М. Бахтин высказывает суждение о том, что в духовной истории человечества все самое значительное создано теми, кто умел связать себя с забытой, утерянной традицией прошлого. «Всякое подлинное творчество сознает себя не как начало или продолжение, но как возрождение» — так может быть формулирован этот существенный закон. Ритм духовной истории человечества — ритм последовательных возрождений [1, с. 67]».

Мысль Бахтина созвучна концепции историко-культурного развития, утвердившейся в европейской и отечественной философии начала XX века. Наиболее последовательно она была сформулирована выдающимся христианским мыслителем, культурологом, искусствоведом Павлом Александровичем Флоренским. Идеи Флоренского и сегодня сохраняют свою эвристическую и методологическую значимость. Попытаемся охарактеризовать их подробнее.

Одно из центральных положений философии П. Флоренского – прерывность, или по-другому «дискретность», как универсальный принцип мироустройства и развития. Концепция Флоренского сформировалась под влиянием открытий Георга Кантора и Московской математической школы, она была изложена в кандидатской диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания». Флоренский являлся убежденным критиком эволюционизма, представляющего культурно-исторический процесс в виде целенаправленной линейной модели, проходящей в своем становлении через закономерную смену качественных возрастных состояний. На рубеже XIX – XX вв. своеобразной альтернативой эволюционизму выступает циклически-волновая теория культурно-исторической динамики, в которой история культуры предстает как периодическая, последовательная смена определенных состояний или циклов культуры.

Одним из вариантов циклически-волновой теории является инверсионная модель развития культуры. Суть ее сводится к наличию двух противоположных ценностных полюсов в культуре, между которыми происходит ее развитие. Культура в этом случае развивается по принципу маятника, попеременно отвергает одни ценности и принимает противоположные. Флоренский воспринимал культурно-исторические эпохи как целостные организмы, монады, каждая из которых тяготеет к одному из двух универсальных типов мировоззрений. В Автореферате для энциклопедического словаря русского библиографического института им. Граната в 1927 году Флоренский так характеризовал основные особенности своих взглядов на историю культуры: «Руководящая тема культурно-исторических воззрений Флоренского – отрицание культуры как единого во времени и пространстве процесса, с вытекающим отсюда отрицанием эволюции и прогресса культуры. Что же касается до жизни отдельных культур, то Флоренский развивает мысль о подчиненности их ритмически сменяющимся типам культуры – средневековой и возрожденческой» [4, с. 86].

Эта мысль в текстах Флоренского в разных формулировках высказывается многократно. «Есть два пути мысли, два типа мировоззрения, два типа культуры...» [3 (т.1), с. 532]. В другом месте данная тема раскрывается подробнее: «Ведь есть, в конечном счете, только два опыта мира – опыт общечеловеческий и опыт «научный», то есть кантовский, как есть только два отношения к жизни – внутреннее и внешнее, как есть два типа культуры, созерцательно-творческая и хищнически-механическая. Все дело сводится к выбору того или другого пути – средневековой ночи или просветительского дня культуры; а далее все определяется, как по-писанному, с полной последовательностью» [4, с. 27]. Дихотомия «свет/тьма» является символическим ключом к универсальному пониманию двух путей в культуре: «Культурные эпохи живут, по преимуществу, дневным или ночным сознанием. Ритм дневных или ночных сил имеет одинаковое место, но весь строй – в один период выше, в другой – ниже. В истории бывают дни и ночи. Где преобладает мистическое начало, ноуменальная воля, восприимчивость, женственность – это ночной период. Где активнее поверхностное воздействие на мир, воля феноменальная, мужественность – это дневной период истории. Ночной период – Средневековье. Дневной период – Новое время» [3 (т.2), с. 387].

В рамках своей культурно-исторической концепции П.А. Флоренский развивает также мысль о существовании переходных эпох: «Но, чередующиеся в истории, эти

полосы культуры – вовсе не сразу отделяются друг от друга, - по неопределенности состояния в соответственные времена самого духа, уже наскучившего одним и еще не отваживающегося на другое» [4, с. 27]. Свое время П.А. Флоренский рассматривал как переходную эпоху: «Теперь – «Возрождение», мы – на пороге нового Средневековья. Христианское миропонимание в глубине своей – Средневековое. В новое время нечего нам делать с миропониманием теперешним. Теперешнее возвращение к христианскому миропониманию показывает нам, что мы на пороге Средневековья...» [3, (т.2), с. 387]. Идея переходного характера культуры конца XIX - начала XX века лежит в основе цикла Флоренского «У водораздела мысли», особенно - статьи «Итоги».

Современные исследователи иногда критикуют Флоренского за упрощенный характер его культурно-исторических воззрений. Например, И.И. Евлампиев высказывает следующее суждение: «Вся реальность описывается здесь с помощью абсолютно статичной модели двух «миров» - мира божественно-духовного и мира вещно-телесного, из которых второй является «испорченной» копией первого («испорченной» в результате грехопадения)» [2, с. 534]. Такая интерпретация взглядов Флоренского, как нам представляется, сама является упрощенной. Флоренский говорит не о механическом чередовании двух «миров», а о наличии в культуре двух глубинных, основополагающих традиций мировоззрения, точнее даже – мироощущения, «опытов мира». Каждая конкретная историческая эпоха тяготеет к той или иной традиции, по-новому проявляя ее сущность. Флоренский считает, что ход истории подчиняется универсальным законам жизни: в природе и в духе постоянно взаимодействуют две противоположные стороны: ночная и дневная, женская и мужская, Средневековая и эпоха Ренессанса, сна и бодрствования (сон – не отсутствие жизни, а жизнь *suī generis*, без сна мы перестали бы питаться душой) [3, (т. 2), с. 388]. Читаем: «По – видимому, нужно и то и другое: и мистические и рациональные силы, и мужской и женский пол» [3, (т. 2), 385].

Анализ текстов Флоренского позволяет выделить наиболее характерные для его языка терминологические пары, характеризующие специфику двух типов мировоззрений: Возрождение – Средневековье; научное – религиозное; аналитическое – синтетическое; рациональное - интуитивное; дневная - ночная; мужское – женское; механическое - органическое; плоскость – глубина; количество - качество; непрерывность – прерывность; предсказуемость (детерминизм) – творчество; внутреннее - внешнее и др. Важную роль в этом ряду играют специфические парные категории «вещь - лицо». Например: «Философия Ренессанса – философия вещи. Res. Теперь – лицо. Душа – *res cogitans*. В философии Ренессанса нет места понятию лица...» [3, (т. 1), с. 363]. «Творчество есть жизнь, - поясняет автор, - в противоположность вещности, вещи. Носитель жизни – индивид; сущность индивида – в личности. <...> Во всей ренессансной культуре было тяготение к вещи. <...> Лишь с конца XIX века возник персонализм, который старается выдвинуть идею личности. Центр творчества – лицо, и оно мыслилось в связи со вселенной...» [3, (т. 2) с. 404]. Идея истории как чередования двух основных типов миропонимания, двух культурных традиций обозначилась у Флоренского достаточно рано – еще в первых лекциях по истории античной философии для студентов Московской духовной академии. В цикле лекций «Первые шаги философии» (1909) мы встречаем рассуждения Флоренского

о «ночном» и «дневном» периодах, которые соответствуют «возрожденческому» и «средневековому» типам культуры. Эти общие принципы типологии Флоренский проецирует на историю античной культуры, находя там свое «средневековье» - гомеровский период - и свое «возрождение» - земная, чувственная, материалистически ориентированная критская культура. Характеристика эллинистической культуры дается в статье «Обратная перспектива», где Флоренский анализирует стенную роспись в Помпеях как выражение поверхностного эпикуреизма, «легковесной буржуазности».

В истории мировой культуры, по Флоренскому, наиболее полное выражение «вещное» отношение к миру получает в культуре Нового времени. Известны довольно резкие высказывания Флоренского в адрес культуры Возрождения и прямой перспективы как художественного эквивалента ренессансного мировоззрения. В работе «Обратная перспектива» Флоренский стремится обосновать мысль о том, что появление прямой перспективы нельзя рассматривать как прогресс в истории искусства, напротив – это свидетельство истощения духовного видения. Художник-перспективист воссоздает лишь трехмерный физический мир (мир «вещей»), выводя за скобки духовную реальность, которая и являлась главным предметом изображения для религиозного искусства древности и средневековья, а потому требовала особого, символического языка и, следовательно, отказа от прямой перспективы. Иными словами, перспективность есть прием, утверждает Флоренский, с необходимостью вытекающий из отвлеченно-рационалистического, субъективистского, иллюзионистического мировоззрения, «в котором истинною основой полуреальных вещей-представлений признается некоторая субъективность, сама лишенная реальности...» [7, с. 68]. Пространство прямой перспективы Флоренский рассматривает как проявление «евклидовской» концепции пространства, лежащей в основе научной парадигмы Нового времени.

Наиболее полное выражение отвлеченно-рационалистическая, субъективистская традиция миропонимания, по-Флоренскому, находит в Канте. Сама личность Канта, его образ жизни и, конечно, его философия есть квинтэссенция подобного отношения к миру. Флоренский, будучи православным мыслителем, категорически не мог принять мировоззренческие установки эпохи Просвещения, которую называл веком «интеллигенщины». «Интеллигенщина» есть обозначение оторванности от живой жизни, отсутствие внутренней цельности, эгоцентризм, тяга к искусственности во всем. Автор пишет: «Век, бывший веком интеллигенщины, по преимуществу, сознательно ставил себе целью: «Все искусственное, ничего естественного!». Искусственная природа в виде подстриженных садов, искусственный язык, искусственные нравы, искусственная – революционная – государственность, искусственная религия. Точку на этом устремлении к искусственности и механистичности поставил величайший представитель интеллигенщины – Кант, в котором, начиная от привычек жизни и кончая высшими принципами философии, не было – да и не могло быть по его же замыслу – ничего естественного...» [7, с. 138].

Противоположная рационалистической – символическая традиция культуры («мир как лицо») Флоренским рассматривается как исконная, общечеловеческая. Она имеет древние мифопоэтические корни, которые и сегодня сохраняются в

народном мирозерцании. Эта тема получает свое развитие в работе «Общечеловеческие корни идеализма». Главная особенность мифопоэтического сознания, отмечает автор, заключается в восприятии природы как живого существа, в целом и в частях – в ее олицетворении.

Отметим, что понятие «олицетворение» наполнено особым смыслом. В текстах философа неоднократно высказывается мысль о том, для современного человека, в частности для художника, «олицетворение» – лишь метафора, «риторический прием». В материалах к лекции «Освящение реальности» («Философия культа») по этому поводу сказано: «Пусты обычные в подобных случаях интеллигентские разговоры об одушевлении природы как об «олицетворениях», как о поэтических персонификациях. Народная поэзия, поэзия древности пользовалась такими олицетворениями вовсе не как прикрасами или приправами стиля, но вполне просто и деловито говорила именно то самое, что хотела сказать...» [6, с. 224].

В работе «Общечеловеческие корни идеализма» основное место занимает мысль о том, что олицетворение природы есть проявление целостности и органичности народного мирозерцания. «Возьмите любой Травник или Лечебник, – предлагает Флоренский, – книгу, по-видимому, чисто утилитарную – и сравните описание ее с описаниями ботаник. Вы не сможете не поразиться той нежности, той любовности, с какой говорит о травах народная фармакопея. Есть трава ”тихоня”, говорится в белорусском Травнике, ”растет окала зелени, листочки маленькие, маленькие рядышком, рядышком, твяточик сининький. Растет окала земли, стелитца у разный стороны”» [6, с. 48]. В народном сознании все, что ни видит взор, имеет скрытое значение и указывает на причастность иному миру: «Послушайте как крестьянин разговаривает со скотиною, с деревом, с вещью, со всею природою: он ласкает, просит, умоляет, ругает, проклинает, беседует с нею, возмущается ею и порой ненавидит» [6, с. 45].

Наиболее полное выражение символическое миропонимание нашло в платонизме. Если вершиной рационалистической традиции является философия Канта, то вершиной символической – Платон. «Цветком народной души» называет Флоренский платонизм: именно в народном мироощущении, а точнее в древней магической практике, он видит истоки философии Платона – его учения об «идеях». Платонизм – не «плод школьной философии» и отвлеченных размышлений, а философское выражение опыта древних мистерий, когда их участникам открывались «лики» иной реальности. Обращаясь к этимологии главных понятий платоновской философии «эйдос» и «идея», Флоренский стремится доказать, что в древних языках понятия «созерцание» или «зрение» неразрывно было связано с понятиями «знание», «ведение». Развитие всей последующей традиции символического миропонимания в европейской культуре Флоренский выводит из платонизма.

Выводы. Изучение текстов Флоренского выявляет общность его подхода к пониманию жизни традиции в культуре с позицией М.М. Бахтина.

Охарактеризованное выше понимание культурной традиции как дискретного, «пульсирующего» исторического процесса находит убедительное подтверждение в истории искусства. Например – цепь «возрождений» античности в истории европейской художественной культуры. История европейских художественных стилей может быть представлена сквозь призму конкретно-исторических

метаморфоз античности, как периодические возрождения античной культурной традиции: «каролингское возрождение» – Ренессанс – классицизм – неоклассицизм – постмодернизм.

Особенно интересен с этой точки зрения опыт искусства авангарда XX века. Авангард – по определению – искусство, стремящееся быть радикально новаторским, но, в конечном итоге, новаторство в культуре чаще всего оборачивается возрождением «хорошо забытого старого». Авангардисты дистанцировались от сопряженной с ними художественной традиции – академизма и социального реализма, но возрождали архаику, мифологические пласты общечеловеческой культуры. Неопрimitивизм, неомифологизм, неоархаика – ведущая тенденция в искусстве прошлого столетия. Феномен авангарда как нельзя лучше характеризует мысль Бахтина: всякое подлинное творчество создается теми, кто умеет связать себя с забытой, утерянной традицией прошлого.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах / М.М. Бахтин. – М. : «Русские словари», 1996. – Т 5. – 732 с.
2. Евлампиев И.И. История русской философии : учебник для вузов / И.И. Евлампиев – М. : Высшая школа, 2002. – 577 с.
3. Флоренский П.А. Сочинения. В 4-х томах / П.А. Флоренский - М. : «Мысль», 1994-2000. – Т. 1-4.
4. Флоренский П.А. Автореферат / П.А. Флоренский // Вопросы философии. – 1988 – №12. – С. 113-119
5. Флоренский П.А. Избранные труды по искусству / П.А. Флоренский – М. : Изобразительное искусство, 1996.
6. Флоренский П.А. Оправдание космоса / П.А. Флоренский – СПб. : РХГИ, 1994. – 217 с.
7. Флоренский П.А. Христианство и культура / П.А. Флоренский – М. : ФОЛИО, 2001. – 663 с.
8. Флоренский П.А. Философия культа (опыт православной антропологии) / П.А. Флоренский, священник – М. : Мысль, 2004. – 685 с.

Сяміна О.В. Традиція в культурі: відродження чи продовження? (ідея переривчастості в розумінні сутності культурної традиції) // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2014. – Т. 27 (66). – № 1-2. – С. 246–252.

У статті характеризується ідея переривчастого (дискретного) розуміння культурної традиції, яка була розвинута рядом мислителів ХХ ст., у тому числі М.М. Бахтіним та П.А. Флоренським. Обґрунтовується актуальність ідей російських філософів, зокрема, їхнє розуміння сутності культурної традиції, що представляє значний теоретичний інтерес, особливо при вивченні історії мистецтва. Робиться висновок, що творчість, яка претендує на радикальне новаторство в культурі, у своїй основі є відродженням класичних традицій.

Ключові слова: традиція, культура, переривчастість, Флоренський, Бахтін, мистецтво.

Samina O.V. Tradition: continuation or rebirth? (The idea of discontinuity in understanding of the essence of cultural tradition) // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2014.– Vol. 27 (66). – № 1-2. – P. 246–252.

The article is devoted to characterization of the idea of cultural traditions discontinuous (discrete) understanding, having been developed by a number of the 20th century thinkers including M.M. Bakhtin and P.A. Florensky.

M.M. Bakhtin observed that the most significant in the history of the culture had been created by the successors of the forgotten, lost traditions of the past. The philosopher saw this pattern and stated: "each true creation is conscious of itself not as a beginning or a continuation but as a revival. The rhythm of mankind spiritual history is the rhythm of successive revivals" (" Faith and knowledge ").

M.M. Bakhtin's concept has much in common with P.A. Florensky inversive pattern of culture-historical development, based on the idea of discontinuity as the universal world order and development principle. The Russian philosophers' heritage, including cultural tradition understanding, is of a considerable theoretical interest nowadays, especially when studying art history, in which this concept is most evidently noticeable. The example is the chain of antiquity "revivals" in the European art history. Particularly interesting from this point of view is the 20th century avant-garde art experience. The avant-garde is by definition an art that seeks to be radically innovative, but ultimately, culture innovation most often turns into a "blast from the past".

Keywords: tradition, culture, discontinuity, Florensky, Bakhtin, art